

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'23

DOI 10.25688/2076-913X.2020.37.1.08

И.Ю. Колесов

Интерпретирующая функция языка: перцептивно-пространственная акцентуация в картине мира

В статье представлены результаты исследования интерпретирующей функции языка в сфере пространственных отношений. Картина мира отражает избирательность, которая состоит в ориентированности смысловых структур естественного языка на результаты восприятия человеком пространственных систем окружающей его жизни.

Ключевые слова: интерпретирующая функция языка; пространство; вербализация; картина мира.

Тема пространственных отношений и анализ их вербализации в языках находится в фокусе внимания лингвистов достаточно давно, поскольку для человеческого мышления и восприятия действительности концептуализация пространственных категорий значима тем, что человек говорящий раскрывает себя как человек в пространстве, поскольку в его мышлении не только физические явления, но и эмоциональная и ментальная сферы строятся как элементы окружающего его физического мира [17, с. 5]. Данная статья направлена на развитие результатов осмысления пространственной семантики языка, полученных в ряде предыдущих публикаций автора о языковой интерпретации пространственных параметров окружающего мира, которые оказались существенными в формировании соответствующей части языковой картины мира [5–7, 18].

Говоря о языковом картировании мира, мы по умолчанию понимаем, что язык не является ни зеркалом, ни непосредственным слепком с отраженной в нем реальности [9–11]. В языке обнаруживается интерпретация мира — способ его изображения, что и составляет внутреннюю форму языка в гумбольдтовском понимании. В. фон Гумбольдт видел фундаментальную значимость в том, как мир изображен в языке, — это дает понимание места языка

в культуре и жизни человека. В том, как мир интерпретирован (человеком, его мышлением) в языковой картине мира (ЯКМ), пролегают различия в культурах: языки показывают разное в видении мира.

Несмотря на то что понятие ЯКМ и процесса ее формирования оказались среди актуальных предметов науки относительно недавно, они принципиально не отличаются от того, что в лингвистике известно о главных функциях языка: коммуникативной и когнитивной, — которые взаимно определяют друг друга. Функции коммуникативная (передача сообщения и общение) и познавательная, гносеологическая, иногда называемая экспрессивной (когнитивная, т. е. функция выражения деятельности сознания), не могут осуществляться одна без другой, поскольку связаны друг с другом процессом *интерпретации* содержания мышления о мире для того, чтобы результат данного процесса (знание о мире) мог использоваться для целей вербальной коммуникации между людьми (рис. 1).

Рис. 1. Мир и картина мира в языке

Указание на эту содержательную функцию языка по отношению к репрезентации знания о мире прослеживается в известных трудах многих лингвистов по психологии языка: К. Бюлера, В. фон Гумбольдта, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, по семиотике и языковой семантике Ю.Д. Апресяна, Э. Бенвениста, М.В. Никитина, Ч. Пирса, Э. Сепира, Н. Хомского, по когнитивной семантике Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, Р. Джекендоффа, С.А. Добричева, Л.А. Козловой, Е.С. Кубряковой, Р. Павилёниса. Ее сущность в том, что языковые знаки, языковые выражения имеют смысл только лишь в определенных условиях, в концептуальных системах, в когнитивных и коммуникативных контекстах. Это то, что конвенционально воспринимается и интерпретируется всеми носителями языка в определенных пределах (например, в совокупности первичной и вторичной номинации: основные значения слова плюс образная, метафорическая и метонимическая номинация, интенционал вместе с импликационалом лексического значения, в терминах М.В. Никитина [16]).

В концепции языковой семантики Э. Бенвениста [2] представлена формула двойного означивания в языке (семиотического и семантического): сначала

образуется знак как элемент когниции (мышления) о мире (репрезентирующий понятие о чем-либо) и входит в систему языка как семиотический элемент *in absentia*, обозначающий реалии мира и включающийся в знание о мире. На следующем круге означивания, т. е. при использовании знака языка в коммуникации, он воспринимается как имеющий определенный смысл, сообщающий его своим присутствием в речи *in presentia*, т. е. выступающий уже как семантическая, контекстуально и коммуникативно связанная сущность. Таким образом, языковая интерпретация осуществляется в два этапа: осмысление мира в виде концептов, языковых репрезентаций и при помощи актуализируемых в речи языковых единиц и выражений.

Язык, таким образом, мотивирован когнитивно: в нем осмысление получает только то, что «остановило внимание человека» [11, с. 8]. Поэтому важно понимать, что метафора лингвистов «мир в зеркале языка» требует уточнения с помощью другой метафоры: «мир сквозь фильтр языка» — полнота и мера языкового отображения окружающей реальности зависят от человека, решаемых им когнитивных задач и, конечно, они связаны с тем, что и каким образом нужно использовать в практике общения.

Соответственно данному пониманию анализ языка на стыке когниции и коммуникации стал основанием антропоцентрического подхода к языку, его изучения как системы категорий и смыслов, имеющих эгоцентрическую природу. Н.Д. Арутюнова характеризует современную лингвистику как науку, достигшую зрелости и переосмысляющую свою автономность в том, что язык как порождение разума человека говорящего, антропоцентричен по своей сущности и не имеет своей собственной, отдельной от человеческой природы [1]. Подчеркнем эту идею, воспользовавшись замечанием Г.В. Колшанского о том, что особенность языковой субстанции заключается в том, что она является продуктом сознания человека [8].

Осмысление семантической сущности языка как воплощения мира человека и культуры этноса стало непосредственным предметом в современной антропоцентрической парадигме лингвистики. В таких направлениях в отечественной науке, как когнитивная лингвистика, этнолингвистика и лингвокультурология, культурологическая лингвистика, более известная за рубежом как *cultural linguistics*, язык с точки зрения антропоцентрической концепции рассматривается как главный механизм в семиотической и когнитивной организации человеческой личности как составляющей части этнокультуры [12].

При таком подходе следует и языковую личность рассматривать как мегазнак, глобальный семиотический объект, пронизанный смыслами, как «меру всех вещей», а также и как метазнак, т. е. как знак знака, когда сами себя мы осмысляем как вместилище смыслов, в первую очередь культурных [13–14].

Так, в одном измерении (на одном уровне знака) в языковой личности обнаруживаются ментальные категории и категории культуры, константы духовной

деятельности, ценностные ориентации, волевые и эмоциональные проявления и т. п., а в другом измерении — собственно языковые формы и их семантические интерпретации как специфическое ментально-вербальное пространство, в котором объективируется внутренний мир человека [3, 15]. Представим это как семиотический объект *homo lingualis* (человека, обладающего языком) и *homo loquens* (человека говорящего), состоящий, как всякий знак, из плана выражения и плана содержания (рис. 2).

Рис. 2. Метазнак *homo lingualis* и *homo loquens*

Языковое отображение мира, т. е. ментальность, спроецированная на язык, входит в семиосферу человека, т. е. систему смыслов, в которой интерпретировано восприятие человеком мира и тем самым конституируется культура социума и этноса. Языковые картины мира, как следует из самого термина, отображают некие языковые формы мысли, которые структура языка накладывает на мыслительное содержание (см.: [7]). Нам также известны отличия между языковыми и научными (либо концептуальными) картинами мира: не равно друг другу то, что происходит в мозгу (т. е. то, что люди физически воспринимают и осознают), и то, что находит отражение в языке, т. е. концептуализируется для того, чтобы стать частью вербальных форм при актуализации мыслительного содержания [19]. Примером может служить известная проблема лакунарности в лексике языков (частичного либо полного отсутствия средств обозначения какого-либо денотата), возникающая при их сопоставительном изучении (только при контрасте языков мы можем обнаружить,

что в русском языке слова *синий* и *голубой* называют оттенки одного цвета, а в английском достаточно одного слова *blue*, или осознать отсутствие в русском языке адекватных номинаций для передачи концепта американской лингвокультуры *Privacy*), что является ярким примером «избирательности языков» в сфере лексикализации тех или иных концептов.

Говоря о многослойном устройстве картин мира в различных лингвокультурах, обратимся к теории культурологической лингвистики и идеям Г. Палмера, который в содержательном анализе языка опирается на образы и образность, так как он понимает их в расширительном смысле — намного шире, чем в анализе метафоры или в стилистике. Такой подход позволяет использовать понятие образов и образности не только применительно к художественной речи, но и в анализе семантики слов и грамматических конструкций, дискурса и даже в фонологии с точки зрения единой теории культурно определенных ментальных образов, так называемой культурной теории лингвистического значения. Так, Г. Палмер пишет об усложнении ментальных образов при переходе от представлений, концептуализаций, речевого замысла к языку и к речи (дискурсу):

Imagery is what we see in our mind's eye, but it is also the taste of mango, the feel of walking in a tropical downpour, the music of Mississippi Masala <...> Phonemes are heard as verbal images arranged in complex categories; words acquire meanings that are relative to image-schemas, scenes, and scenarios; clauses are image-based constructions; discourse emerges as a process governed by reflexive imagery of itself; and world view subsumes it all [20, с. 210]¹.

Как этнокультуролог, Г. Палмер фокусируется на мотивированности языка культурой, развивая традиции гумбольдтианства и неогумбольдтианства, и видит роль схематических образов языковой семантики в качестве важного фактора, определяющего грамматический строй, как ограничения, накладываемые картиной мира на знаки языка [20].

Это еще раз подчеркивает, что язык обусловлен тем, как мир отобразился в мышлении людей, и, изучая язык, мы вправе судить о механизмах внутренней организации знания о мире и способов его познания.

Говоря о том, что с помощью языка, т. е. в нем самом, обнаруживается, что картина мира имеет пространственные акценты (т. е. те фрагменты знания о мире, которые есть в картине мира благодаря восприятию человеком своего пространства), мы подчеркиваем тот весомый вклад в формирование «раскрытия языка», который был внесен восприятием пространства и осознанием

¹ Образы — это то, что мы видим в нашем воображении, но это также вкус манго, ощущение ходьбы в тропическом ливне, это музыка [из фильма] Миссисипская Масала <...> В культурной лингвистике фонемы воспринимаются как словесные образы, сгруппированные в сложные категории, слова приобретают значения, которые относятся к схематическим образам, сценам и сценариям. Предложения — это конструкции на основе [соединения] образов. Дискурс возникает как процесс, управляемый рефлексивными образами самого себя, и все это вмещает в себя картина мира (перевод наш. — И. К.).

человеком координат своего пространства, которые складывались как эгоцентрическая сетка координат.

Так, центр координат эгоцентрического пространства имеет несколько профилей:

– человек — физическое тело: с телом человека и его частями в ЯКМ устанавливается *внешнее подобие* на основе видимых (воспринимаемых) признаков, в частности это проявляется в антропоморфности ЯКМ: *горный хребет, устье реки, горлышко бутылки, нос корабля (чайника), ножка стула* и т. п.;

– человек-наблюдатель как говорящий здесь и сейчас, который устанавливает связи между своим местом, временем и участниками коммуникации с помощью обязательной к выражению категории дейксиса, в которой локативный, персональный и темпоральные виды дейксиса указывают соответственно на место (*здесь – там, этот – тот, далеко – близко*), на действующих лиц (*я – вы, он/они*), и на время (*тогда – сейчас – после*) и т. п.;

– человек-наблюдатель, выстраивающий *ориентацию пространства* по отношению к своему телу как центру координат, устанавливаемую как в сторону от центра, так и в направлении к центру, что в ЯКМ имеет воплощение в локальных и дирекциональных значениях лексических единиц разных частей речи, а также предлогов и приставок: *верх – низ (вверх – вниз), правый – левый (вправо – влево), спереди – сзади (вперед – назад), сюда – туда (отсюда), отходить – подходить, here (здесь) – there (там), this/these (этот/ тот) – that/those (тот/те), to (в, вовнутрь) – from (изнутри, от), in (в, вовнутрь) – out (из, изнутри), inside (внутри, внутрь) – outside (снаружи, наружу), come (прийти) – go (уйти), leave (уходить, уезжать) – arrive (приезжать, прибывать), give (давать) – receive (получать)* и т. п.

Воспринимая пространство вокруг себя, люди его познавали и выделяли значимые для своей жизнедеятельности параметры-концепты, которые структурируют пространственные репрезентации в ЯКМ. Например, противопоставление фона и фигуры, членение пространственных сцен на две противоположащие области, например: *верх – низ, правый – левый, впереди – сзади, далеко – близко*, а также производные от них: *приблизиться – отдаляться, подниматься – опускаться, высокий – низкий, глубокий – мелкий, тонкий – толстый, широкий – узкий* и т. п.

Способы познания реальных ситуаций окружающего мира, которые сознанием и языком применяются для специфической организации моделей мира, были названы топологическими типами — универсальными (эталонными) концептуализациями-моделями *линия, точка, плоскость, тело*. Тело (т. е. любой физический пространственный объект) снаружи воспринимается с точки зрения формы, а его внутренняя часть — как *вместилище-контейнер*.

Свидетельством такой значимости пространственных отношений для организации мышления о мире — как физическом, так и внутреннем — является высокая плотность концепта *пространство* в языковых номинациях, а также то «привилегированное положение» (термин В.А. Плуныяна [17, с. 5]), которое

занимают пространственные значения в грамматических системах языков в результате своей грамматикализации, т. е. перехода статуса пространственных смыслов из системы номинативных единиц в систему, предназначенную для так называемой упаковки, т. е. категориально-грамматической организации концептуального содержания, выраженного лексически.

Пространство и время говорящего субъекта выступают его координатами, а сам субъект находится в центре эгоцентрических параметров «я», «здесь» и «сейчас». Следует обратить внимание на то, что названные ранее профили центра координат создают определенные концептуальные рамки для языковых средств, выражающих знание о наблюдаемом (воспринимаемом) пространстве. В таком качестве выступают пространственные признаки расположения (локальные), формы (топологические) и движения/направления (дирекциональные), составляющие топологические типы.

Рассмотрим сущность репрезентации данных пространственных признаков в их разновидностях.

1. Топологические свойства объектов (например, форма) составляют их ингерентные, неотторгаемые свойства поскольку они им присущи по природе, они содержатся в ингерентных репрезентациях:

- а) внешнего вида объектов: *пластинчатый, paste-like* (пастообразный);
- б) формы: *onion-shaped* (в форме луковицы), *грушевидный*;
- в) сходства с прототипическими (геометрическими) формами: шаровидный, *egg-shaped* (яйцевидный);

г) вертикальной либо горизонтальной ориентации объектов — их протяженности по вертикальной и горизонтальной осям: *В южной Гоби, почти у самой государственной границы МНР высятся горы* (Никольский Б. Н. Жду и надеюсь (роман, окончание) // Нева. 1974. № 3. С. 178). *Томское Приобье... Оно распахнулось на тысячи километров и к северу, и к югу, и к востоку, и к западу* (Марков Г. М. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5: Повести. Рассказы. Очерки. М.: Худ. лит., 1982. С. 341).

2. Познующим субъектом привносятся репрезентации, кодирующие адгерентные, устанавливаемые воспринимающим субъектом, свойства пространственной топологии, например:

а) локативные признаки расположения объекта относительно заданных координат, в качестве которых может выступать наблюдатель-говорящий (в таком случае отмечается включенность в поле зрения наблюдателя, например: *The scenery rushed past us as we drove along*² (Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics, Vol. 1: Concept Structuring Systems*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000. P. 99); *Вечером показались горы. Поезд с трудом карабкается вверх. Мы приближаемся к перевалу через Альпы* (Куприн А.И. Лазурные берега. М.: Directmedia, 2016. С. 12), либо сами объекты по отношению друг к другу,

² Красивые виды пролетали мимо нас, когда мы ехали (здесь и далее перевод наш. — И. К.).

например: *Вокруг нашего лагеря простираются нарождающиеся заросли березы, стланника почти нет* (Отчет о пеше-водном путешествии пятой категории в район хребта Кодар [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vvv.ru/papers/textview.php3?paper=144>);

б) признаки движения объектов как в случае с реальным перемещением в пространстве, например: *И несется над Доном Чертушка, и сливаются в одно-единое бешеный степной аргамак и прильнувший к его гриве маленький всадник* (Звягинцев А.Г. Сармат: Любовник войны. М.: РИПОЛ-классик, 2005. С. 269), так и при изобразительном, «фиктивном», эпистемическом движении, т. е. когда говорящий устанавливает параметры движения по отношению к неподвижным объектам по когнитивной модели реального движения, например: *The railway crosses a bare, empty plain for 200 miles*³ (Shiung Shie J. Metaphorized motion in English // Taiwan Journal of Linguistics, 2003. Vol. 1 (2). P. 98); *Turn left where the lane meets the main road*⁴ (Ibid. P. 99); *Пестрым ковром стелется, летит под копыта степное буйное разнотравье* (Звягинцев А.Г., 2005. С. 269);

в) признаки движения не собственно объектов, а воспринимаемых звуковых либо световых сигналов, которые свидетельствуют о таких пространственных параметрах, как протяженность участков пространства в пределах границ восприятия, например: *Ночь была тихая, лишь иногда с реки доносились легкие отдаленные звуки* (Соколов-Микитов И.С. В лесу: Рассказы о животных. М.: Малыш, 1989. С. 27); *В глубине комнаты, где размещалась охрана гвардейцев и куда не долетал свет костра, слышались стоны и всхлипы* (Проханов А.А. Третий гост. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 154);

г) признаки направления движения от наблюдателя и к нему, например: *A man came out of the room*⁵ — *A man entered the room*⁶; *A girl came out of the room*⁷ — *The girl went into the room*⁸.

3. Признаки включенности или невключенности говорящего (наблюдателя) в пространственную сцену, например: *He opened the door quietly*⁹ / *The door opened quietly*¹⁰, что осуществляется как схематизация топохроноса говорящего субъекта в системе координат его личного пространства. Знание о пространственно-временном континууме (топохроносе), как известно, включено в его языковой коррелят — хронотоп, который рассматривается как вербализация ментального образа онтологических пространственно-временных координат говорящего субъекта (уже известных в лингвистике как понятие личного пространства говорящего, проявление такого свойства, как эгоцентричность

³ Железная дорога протянулась на 200 миль через пустынную голую равнину.

⁴ Там, где дорога выходит на основную трассу, поверните налево.

⁵ Из комнаты вышел человек.

⁶ В комнату вошел человек.

⁷ Из комнаты вышла девушка.

⁸ Девушка вошла в комнату.

⁹ Он осторожно приоткрыл дверь.

¹⁰ Дверь тихонько отворилась.

говорящего лица. Топохронос концептуализируется как система, включающая в себя обязательные к выражению в различных языках указатели-дейктики класса единиц «я – здесь – сейчас» (персональный, темпоральный и локативный виды дейксиса), например: *Поверху идет хорошо натоптанная тропа, которая вскоре спускается обратно к берегу озера* (Шавлинские озера и перевал Ештык-Коль [Электронный ресурс]. URL: <http://sab.sssc.ru/~tour/Altay99/page5413.htm>). *Anyway, I was talking on the phone when the valet pulled up with my car*¹¹ (ReversoContext [Электронный ресурс]. URL: <https://context.reverso.net>).

В изучении лексикализации такого топологического признака, как форма, отмечалось, что, кроме обозначения различных прототипических форм и геометрических образцов (путем сравнения с ними), например, *куполообразный*, *шаровидный*, *grass-like* (травянистый, похожий на траву), *ball-shaped* (шаровидный), в языке репрезентированы знания и о нестандартных формах, которые созданы как природой, так и руками человека. Часто в языке используется уже готовый лексический и словообразовательный материал: например *кардиоида* — плоская линия, которая своими очертаниями напоминает изображение сердца на плоскости, в английском языке названа *heart-shaped curve*. Элементом концепта-признака, указывающим на отнесенность признака к форме, выступает полуаффикс *-shaped*.

В той же функции упаковки концепта основного содержания — наименования формы, выступающей термином сравнения, используются элементы, выражающие восприятие топологических признаков ингерентного типа: полуаффиксы *-form*, *-like*, *-shaped* в английском языке, например *egg-shaped* (яйцевидный), *disk-shaped* (дисквидный), *bottle-shaped* (в форме бутылки), *arciform* (округлой формы, округлый), *oviform* (яйцевидный), *pisiform* (в форме горошины), *cruciform* (крестообразный), *vermiform* (червеобразный, червеподобный), и русские полуаффиксы *-подобн-*, *-видн-*, *-образн-*, например *стреловидный*, *медведеподобный*, *крестообразный*.

Русский и английский языки показывают общую технику использования словообразовательных морфем с определенным для каждого языка типом содержания знака. Для английского языка такой семантикой выступает фиксированный признак формы, с которой установлено сравнение, для русского языка — воспринимаемость эталона сравнения, видимость подобия эталонной форме.

Номинации таких прототипических геометрических тел, как куб, овал, ромб и др., обозначения форм объектов в сравнении с другими — непрототипическими, но часто используемыми в номинации формы предметов (например, *стрельчатый*, *куполообразный*, *змеевидный*), не исчерпывают многообразия форм, имеющих в реальном мире, так как лексикализованными в номинациях оказываются чаще всего такие признаки воспринимаемых форм, которые стали конвенциональными, естественными, приемлемыми и существенными

¹¹ Так вот, я говорил по телефону, когда мне машину подогнали.

для носителей данной культуры. В качестве примера обратимся к форме кленового листа, которая в русском языке в отсутствие специальной номинации выражена дескриптивно. Данная форма имеет в культуре Канады функцию национального символа, очевидно, в связи с тем, что изначально кленовый лист как концепт и его изображение имели непосредственную связь с экономической деятельностью: древесина клена является предметом экспорта наряду с кленовым сахаром и сиропом. Как и форма французской геральдической лилии, канадский кленовый лист стал настолько распространенным элементом культурных традиций, что благодаря своей функциональной нагруженности и тиражируемости данные символы получают специфическую графическую стилизацию (рис. 3).

Рис. 3. Культурно-историческая значимость неэталонной формы: стилизация форм кленового листа в канадской культуре и лилии во французской культуре

Кроме базисных типов пространственных образов, выделены и другие, например, особенности в репрезентации такого признака, как включенность пространства в жизнедеятельность. В английском языке есть типы существительных, в которых проведена соответствующая категоризация, о ней свидетельствуют концепты, связанные с человеческой жизнедеятельностью (*-field*, *-path*, *-land*, *-scape*): *cornfield* (кукурузное поле, нива), *warpath* (тропа войны), *farmland* (ферма, фермерские угодья), *cityscape* (городской пейзаж, вид).

Естественное природное пространство, на которое воздействие человека не было направлено, названо типами имен с первыми элементами-мотиваторами, исключаящими человека либо созданные им артефакты: *highland* (нагорье, горная местность), *snowscape* (снежный пейзаж), *hillside* (холмы, холмистая местность), *hinterland* (внутренние районы), *lowland* (низменность, низина), *tableland* (плоскогогорье, плато). Категоризация разновидностей пространства сигнализируется в составных словах такими словообразовательными мотиваторами, как *-scape*, *-land*, *-side*, *-field*, *-line*, *-path*, *-yard*, причем один и тот же словообразовательный элемент может относить лексические единицы к обеим сферам пространства — освоенного и неосвоенного в человеческой

деятельности, например: *farmland* (фермерские угодья) — *highland* (нагорье), *seascape* (морской пейзаж, вид на море) — *cityscape* (городской пейзаж, вид), *streetscape* (вид улицы).

И напротив, все слова с элементом *-yard* сопряжены с человеческой жизнедеятельностью, например: *backyard* (двор, задний двор), *barnyard* (скотный двор), *churchyard* (погост), *farmyard* (ферма), etc. В содержании подобных слов выделяются концепты первого и второго порядка: основной концепт и сопровождающий его концепт-мотиватор, модифицирующий первый при их интеграции в лексическое значение слова. Отметим, что морфемы *-scape*, *-land*, *-side*, *-field*, *-line*, *-path*, *-yard* неодинаковы (все, за исключением *-scape*, могут быть самостоятельными знаками, *-scape* является осколочной частью своего этимологического источника *landscape*), но имеют одну общую функцию категоризации «земельного» пространства как освоенного либо неосвоенного человеком (см.: [4, 6]). Соответственно, субъект и его деятельность либо включены в признаки пространства в ЯКМ, либо нет. ЯКМ позволяет выравнивать реальные различия референтов, подводя их образы под одну концептуальную категорию Land в английском языке. В русском же языке в аналогичной группе лексики затруднительно выделить словообразовательную категорию: имена существительные *равнина*, *низменность*, *возвышенность*, *нагорье* и т. п., с одной стороны, и *пашня*, *поле*, *огород*, *угодья* и т. п., с другой стороны, не имеют «управляющих» концептов-мотиваторов.

Пользуясь известными метафорами, мы говорим, что язык интерпретирует опыт, рассекает концептуальное пространство знания, делая дискретными отдельные области и элементы концептосферы, существующие в единстве своих онтологических многомерных связей. В результате распределения информации по категориям и парадигмам в языке неизбежно понижение уровня информативности тех репрезентаций, которые складывались в опыте до языка. Для того чтобы выразить вербально мысль, нужно ровно столько детализации, сколько необходимо для конструирования слушающим адекватной ментальной картинки.

Так, в русском языке непременным условием при передаче ситуации перемещения является обозначение способа (либо средства) движения, например *ползти*, *тащиться*, *идти*, *ехать*, *сплавляться*, *лететь (на самолете)*, *но плыть на лодке / вразмашку*, *ехать автобусом/поездом*. В английском языке это условие не настолько обязательно при наличии гипонимического глагола *go* (идти, перемещаться, двигаться): *go by plane / train / bus / on foot / on a raft* (лететь самолетом / ехать на поезде/автобусе / идти, передвигаться пешком / плыть на лодке / сплавляться на рафте).

Интерпретация пространственных признаков в ЯКМ английского и русского языков в части пространственных образов в соответствующих лексемах *shore*, *bank* и *берег* нами рассматривалась в работе [18, с. 72–74]. Особенность английских номинаций заключается в том, что они кодируют как существенную информацию о типе объекта, имеющего берег как физический край

линии воды в водоеме: берег обозначен как замкнутая линия вокруг большого водоема (берег озера или моря) — *shore*, либо как один из двух берегов, ограничивающих пространство водоема вдоль его русла либо справа и слева, — *bank*: берег реки, канала, ручья или даже канавы, или небольшого водоема (пруда), противоположный берег которого находится в поле зрения, что свидетельствует о том, что признак воспринимаемости водоема и его границы обладает более существенным значением, чем сам тип водоема. В приводимых примерах именем *bank* названы берега ручья, канавы и небольшого пруда: *They eased along the dark and weedy creek bed for two hundred yards, then climbed the other bank. He held her hand and helped her down the ditch bank*¹² (Grisham J. *The Client*. N. Y.: Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1993. P. 235); *The three of them had walked down to Lake Davis, their satiric name for the little pond a mile from Thad's house... He simply cannonballed in from the bank*¹³ (King S. *The Dark Half*. N. Y.: The Gallery Books, 2018. P. 162).

В актуальном восприятии реки небольшого озера или пруда (т. е. когда берега видимы) когнитивная сцена данного события может включать в себя оба берега, однако в случае моря или очень больших озер этого не происходит, так как между противоположащими берегами (в действительности — частями одного берега) имеется расстояние, выходящее за границы поля зрения.

Таким образом, пространственно-перцептивная акцентуация языковой картины мира состоит в том, что в ней результаты познавательной деятельности зафиксированы как результат глубокой переработки образа окружающего человека пространства: физического пространства, пространства информации, поступающей по различным каналам восприятия, внутреннего пространства в буквальном понимании — физического, телесного пространства, — и пространства мысли, воображения, эмоций, воли, власти и т. п., актуального пространства «здесь и сейчас», наблюдаемого и воспринимаемого в различных физических ипостасях мира, прежде всего видимого пространства.

Библиографический список

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования. М.: Языки славянских культур, 2007. 288 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
3. Внутренний мир человека: семантические константы: кол. монография / отв. науч. ред. М.В. Малинович. Иркутск: Изд. М.В. Малинович, 2007. 475 с.
4. Казачинина А.В. К вопросу о репрезентации пространства (освоенного и неосвоенного человеком) в английской лексике // Функционально-когнитивный

¹² Они двинулись вдоль затененного и поросшего травой русла ручья на двести ярдов, а затем поднялись на противоположный берег. Он держал ее за руку и помог ей спуститься в канаву.

¹³ Все трое спустились к озеру Дэвис — так они иронично называли маленький пруд в миле от дома Тада... Он просто плюхнулся в него с берега, как пушечное ядро.

анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I Междунар. науч. конф. (5–7 окт. 2011 г.) / под ред. И.Ю. Колесова. Барнаул: АлтГПА, 2012. С. 160–162.

5. Колесов И.Ю. Языковая репрезентация пространства в ракурсе культуры // Концепт и культура: сб. ст. по материалам VI Междунар. науч. конф. (Кемерово – Ялта, 25–27 сент. 2016 г.). Кемерово; Ялта, 2016. С. 147–152.

6. Колесов И.Ю. О концептуальной мотивированности // Когнитивные исследования языка. 2013. № 13. С. 484–496.

7. Колесов И.Ю. Пространственная акцентуация в языковой интерпретации ментальности // Внутренний мир человека: эмоции, когниция, коммуникация: материалы Всерос. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Ю.М. Малиновича / отв. ред. И.П. Амзаракова; науч. ред. М.В. Малинович. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасск. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова», 2017. С. 109–119.

8. Колишанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 2007. 232 с.

9. Концепты. Категории: языковая реальность: кол. монография / М.В. Малинович [и др.]. 2-е изд., испр. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2014. 345 с.

10. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопр. когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–18.

11. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Ч. 3. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. С. 6–13.

12. Личность и модусы ее реализации в языке: кол. монография / И.П. Амзаракова [и др.] / отв. ред. С.А. Хахалова; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Иркутск. гос. лингвистич. ун-т. М.: ИЯ РАН; Иркутск: ИГЛУ, 2008. 504 с.

13. Малинович М.В., Малинович Ю.М. Мир человека в семиосфере языка, различных этнокультур и проблема межкультурной коммуникации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 9. С. 16–20.

14. Малинович М.В., Малинович Ю.М. Синтаксис как отражение динамики мышления и языкового сознания в онтогенезе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2s (18). С. 156–162.

15. Малинович Ю.М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: кол. монография. Иркутск; Москва, 2003. С. 7–28.

16. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.

17. Плунгян В.А. Предисловие // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / под ред. В.А. Плунгяна. М.: Рус. словари, 2002. С. 5–7.

18. Проблемы функционально-когнитивного анализа языка: кол. монография / Л.А. Козлова [и др.]; под ред. И.Ю. Колесова. Барнаул: АлтГПУ, 2016. 171 с.

19. Apresjan V. Scientific and Linguistic Worldviews: Overlaps and Discrepances // Четвертая междунар. конф. по когнитивной науке: тезисы докл.: в 2 т. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. Т. 1. С. 20–22.

20. Palmer G.B. Toward a Theory of Cultural Linguistics. Austin, Texas: University of Texas Press, 1996. 348 p.

References

Literatura

1. *Arutyunova N.D.* Problemy' morfologii i slovoobrazovaniya. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2007. 288 s.
2. *Benvenist E'*. Obshhaya lingvistika. M.: Editorial URSS, 2002. 448 s.
3. Vnutrennij mir cheloveka: semanticheskie konstanty': kol. monografiya / otv. nauch. red. M.V. Malinovich. Irkutsk: Izd. M.V. Malinovich, 2007. 475 s.
4. *Kazachinina A.V.* K voprosu o reprezentacii prostranstva (osvoennogo i neosvoennogo chelovekom) v anglijskoj leksike // Funkcional'no-kognitivny'j analiz yazy'kovy'x edinic i ego aplikativny'j potencial: materialy' I Mezhdunar. nauch. konf. (5–7 okt. 2011 g.) / pod red. I.Yu. Kolesova. Barnaul: AltGPA, 2012. S. 160–162.
5. *Kolesov I.Yu.* Yazy'kovaya reprezentaciya prostranstva v rakurse kul'tury' // Koncept i kul'tura: sb. st. po materialam VI Mezhdunar. nauch. konf. (Kemerovo – Yalta, 25–27 sent. 2016 g.). Kemerovo; Yalta, 2016. S. 147–152.
6. *Kolesov I.Yu.* O konceptual'noj motivirovannosti // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. 2013. № 13. S. 484–496.
7. *Kolesov I.Yu.* Prostranstvennaya akcentuaciya v yazy'kovej interpretacii mental'nosti // Vnutrennij mir cheloveka: e'mocii, kogniciya, kommunikaciya: materialy' Vseros. konf. pamyati d-ra filol. nauk, prof. Yu.M. Malinovicha / otv. red. I.P. Amzarakova; nauch. red. M.V. Malinovich. Abakan: Izd-vo FGBOU VO «Xakassk. gos. un-t im. N.F. Katanova», 2017. S. 109–119.
8. *Kolshanskij G.V.* Sootnoshenie sub'ektivny'x i ob'ektivny'x faktorov v yazy'ke. M.: Nauka, 2007. 232 s.
9. Koncepty'. Kategorii: yazy'kovaya real'nost': kol. monografiya / M.V. Malinovich [i dr.]. 2-e izd., ispr. Irkutsk: Izd-vo IGLU, 2014. 345 s.
10. *Kubryakova E.S.* Ob ustanovkax kognitivnoj nauki i aktual'ny'x problemax kognitivnoj lingvistiki // Vopr. kognitivnoj lingvistiki. 2004. № 1. S. 6–18.
11. *Kubryakova E.S.* Yazy'kovoe soznanie i yazy'kovaya kartina mira // Filologiya i kul'tura. Ch. 3. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 1999. S. 6–13.
12. Lichnost' i modusy' ee realizacii v yazy'ke: kol. monografiya / I.P. Amzarakova [i dr.] / otv. red. S.A. Xaxalova; Ros. akad. nauk, In-t yazy'koznaniya, Irkutsk. gos. lingvistich. un-t. M.: IYa RAN; Irkutsk: IGLU, 2008. 504 s.
13. *Malinovich M.V., Malinovich Yu.M.* Mir cheloveka v semiosfere yazy'ka, razlichny'x e'tnokul'tur i problema mezhkul'turnoj kommunikacii // Vestnik Xakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. 2014. № 9. S. 16–20.
14. *Malinovich M.V., Malinovich Yu.M.* Sintaksis kak otrazhenie dinamiki my'shleniya i yazy'kovogo soznaniya v ontogeneze // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. № 2s (18). S. 156–162.
15. *Malinovich Yu.M.* Antropologicheskaya lingvistika kak integral'naya nauka // Antropologicheskaya lingvistika: Koncepty'. Kategorii: kol. monografiya. Irkutsk; Moskva, 2003. S. 7–28.
16. *Nikitin M.V.* Osnovy' lingvisticheskoy teorii znacheniya. M.: Vy'ssh. shk., 1988. 168 s.
17. *Plungyan V.A.* Predislovie // Issledovaniya po teorii grammatiki. Vy'p. 2: Grammatikalizaciya prostranstvenny'x znachenij v yazy'kax mira / pod red. V.A. Plungyana. M.: Rus. slovani, 2002. S. 5–7.

18. Problemy' funkcional'no-kognitivnogo analiza yazy'ka: kol. monografiya / L.A. Kozlova [i dr.]; pod red. I.Yu. Kolesova. Barnaul: AltGPU, 2016. 171 s.

19. *Apresjan V.* Scientific and Linguistic Worldviews: Overlaps and Discrepances // Chetvertaya mezhdunar. konf. po kognitivnoj nauke: tezisy` dokl.: v 2 t. Tomsk: Izd-vo TGU, 2010. T. 1. S. 20–22.

20. *Palmer G.B.* Toward a Theory of Cultural Linguistics. Austin, Texas: University of Texas Press, 1996. 348 p.

I.Yu. Kolesov

**Interpretive Function of Language:
Perceptive and Spatial Accentuation within the Picture of the World**

The article features the findings concerning the interpretive function of language manifested in the sphere of spatial relations. Conceptual world view displays a certain selectivity in the semantic structures of human language targeted at a personal perception of spacial arrangement of the environment.

Keywords: interpretive function of language; space; verbalization; world view.